

Меня зовут Лэ-Лэ, мне пять лет. Мои папы, кажется, живут в двух разных временах года.

Папа Шэнь — это зима. В офисе он напоминает ходячий айсберг: говорит кратко, брови всегда слегка нахмурены, будто он обдумывает сложнейшую мировую проблему. Секретарь дядя Цинь и другие сотрудники, завидев его, невольно выпрямляют спины и даже дышать стараются тише. В его кабинете всегда просторно и тихо — слышно даже, как шелестит бумага.

Папа Гао Ту — это весна. Где бы он ни был, от него всегда исходит ощущение уюта. В офисе он знает по именам многих дядей и тетей, всегда спросит, выздоровел ли их питомец или как ребенок сдал экзамены. На его столе всегда горит теплый свет лампы и стоит маленький горшочек с зеленью, название которой я никак не могу запомнить.

Но я открыл один удивительный секрет: когда они вместе, границы между временами года стираются.

Например, когда папа Шэнь после напряженного совещания возвращается в кабинет, окутанный холодом, стоит папе Гао Ту просто оказаться рядом — даже если он тихо сидит на диване и разбирает документы, — как напряженная линия челюсти папы Шэня тут же смягчается. Папе Гао Ту даже не нужно ничего говорить, достаточно просто подать стакан воды идеальной температуры. И когда папа Шэнь принимает его, лед в его взгляде хоть немного, но тает.

То же самое происходит и в обратную сторону. Папе Гао Ту иногда тоже приходится нелегко, когда его выводят из себя несговорчивые клиенты. Стоит ему сжать губы и начать машинально постукивать пальцами по столу, как папа Шэнь тут же оказывается рядом. Он может просто подойти, положить на стол папку, требующую подписи, и, мимоходом забрав остывший кофе, заменить его чашкой горячего чая. Или же, своим ровным, лишенным эмоций голосом, просто бросить:

— Передай это юридическому отделу, больше не бери в голову.

Услышав это, папа Гао Ту не начинает сразу улыбаться, но его пальцы замирают, а сжатые губы постепенно расслабляются.

Больше всего мне нравится наблюдать, как они меняются дома.

Папа Шэнь мог секунду назад в кабинете ледяным тоном отчитывать кого-то по телефону: Этот проект никуда не годится, переделайте. А в следующую секунду, выйдя из комнаты и увидев, как папа Гао Ту пытается дотянуться до коробки с печеньем на верхней полке, он мгновенно преображается. С выражением безнадежной нежности он говорит: Давай я, — легко достает коробку и попутно ерошит волосы папе Гао Ту.

Папа Гао Ту такой же. Секунду назад он мягко утешал меня, когда я плакал из-за разбитой чашки, терпеливо приговаривая: Ничего страшного, сейчас аккуратно подметим осколки. Но стоило ему ответить на рабочий звонок, как голос моментально становился профессиональным

и четким: Да, я изучил этот отчет. Данные на третьей странице требуют перепроверки, я внес пометки.

Я смотрю на них, как на двух искусных фокусников, которые безупречно переключаются между ролями и эмоциями, и мне это кажется одновременно удивительным и забавным.

Сегодня я не удержался и спросил папу Гао Ту:

— Папа, а почему вы с папой Шэнем постоянно меняетесь?

Папа Гао Ту как раз помогал мне вырезать из морковки фигурки кроликов. Услышав мой вопрос, он улыбнулся:

— Потому что у каждого человека есть свои доспехи и свои слабые места.

Он объяснил, что снаружи, на работе, нужно надевать доспехи, быть сильным, профессиональным и даже немного суровым. Только так можно справиться с любыми делами и защитить тех, кто тебе дорог. А вернувшись домой, к самым близким людям, можно без опаски показать свою уязвимость, проявить мягкость и даже немного по-детски подурчиться.

— Доспехи папы Шэня довольно толстые, поэтому он кажется таким холодным, — папа Гао Ту подмигнул мне, — но свою уязвимость он открывает только нам.

Кажется, я понял. Папа Шэнь не лишен нежности, просто она лимитированная и предназначена только для нас. И папа Гао Ту не всегда такой уж добряк — его твердость и решительность нужны для того, чтобы оберегать наш дом.

Их постоянные перемены — это не странность, это любовь.

Любовь дает им силы надевать доспехи, чтобы противостоять внешним бурям, и любовь позволяет им сбросить броню, чтобы дома оставаться самыми настоящими и нежными.

А то, что я могу видеть их со всех сторон, делает меня, пожалуй, самым счастливым ребенком в мире.

<http://bllate.org/book/18624/1793101>